Библіотека университета

№ 287 ЧЕТВЕРГЪ, 28 ДЕКАБРЯ 1900 ГОДА. № 287

ГОДЪ XIX. # ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ГОДЪ XIX.

Подписная цѣна: въ Россіи на годъ—9 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяцъ—1 р.; за границу за годъ 12 р., полгода—6 р. 50 к., три мѣсяца—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 40 коп. Отдѣльные №№ по 5 к. При газетѣ издается „Сибирскій Сборникъ". Цѣна 2 р. въ годъ. Объявленія на строчку петита впереди текста 20 к. позади текста 10 к.

Отд. № 5 к.

ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ВЫХОДИТЪ ВЪ ИРКУТСКѢ ЕЖЕДНЕВНО
КРОМѢ ДНЕЙ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКОВЪ.

Отд. № 5 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: въ Америки, Европы и городовъ Европейской Россіи, за исключеніемъ губерній Пермской, Уфимской, Оренбургской, Казанской, Саратовской, Самарской, Симбирской и области Уральской принимаются исключительно въ конторѣ Т. Д. Л. О. Метцъ и К° въ Москвѣ, Мясницкая и въ его отдѣленіи въ С. Пб. Морская № 11, по 15 к. за строку позади текста и 30 к.—впереди.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ, КОНТОРЫ и ТИПОГРАФІИ:
Спасо-Лютеранская улица, собственный домъ. Для личныхъ объясненій редакція открыта кромѣ праздниковъ ежедневно со 10 час. утра и по четвергамъ отъ 2 до 4 час. дня.
Контора для пріема подписки и объявленій открыта отъ 8 до 5 ч. дня.
Тел. редакціи, конторы и типографіи № 297

Городской театръ.

Въ четвергъ, 28 декабря 1900 г.,
артистами русской оперы,
подъ управленіемъ А. А. КРАВЧЕНКО.

Представлено будетъ:

УТРОМЪ
Русалка.
опера въ 4 дѣйст., муз. Даргомыжскаго.

ВЕЧЕРОМЪ,
ПРОРОКЪ.
(Іоаннъ Лейденскій)
большая опера въ 5 дѣйствіяхъ, муз. Мейербера.
Начало ровно въ 8 часовъ вечера.

въ пятницу, 29 декабря,
РОГНѢДА.
Опера въ 5 дѣйст. музык. Сѣрова.
Начало ровно въ 8 час. вечера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1901 годъ
НА ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ
„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".
Подписная цѣна: за годъ—9 р., за полгода—5 р., за три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяцъ—1 руб. За сборникъ 2 рубля.
Подписка принимается исключительно въ главной конторѣ редакціи, Спасо-Лютеранская ул., д. Попова.

Въ Якутскѣ, Витимѣ и Бодайбо
УСТРАИВАЮ БАКИ (РЕЗЕРВУАРЫ)
изъ которыхъ буду производить торговлю керосиномъ.
І. Г. Писаревскій.
4038—12—1

ФАБРИЧНО ТОРГОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
Бр. Крестовниковыхъ.
Съ 25-го сего декабря переходитъ складъ свѣчей стеариновыхъ, мыла и глицерина на Котельниковскую улицу, въ домъ Котельникова, гдѣ будетъ продолжаться оптовая торговля.
Довѣренный Бр. Крестовниковыхъ Д. Ковбасъ.
4722—2—1

37-й годъ изданія.
СЕКРЕТЪ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ
Будильникъ
просятъ не разсказывать!!
Сообщается всему міру по секрету, что объявляющій всѣ „злобы дня" юмористическій журналъ «Будильникъ» дастъ—въ 1901 г. годовымъ подписчикамъ сверхсвѣдущую премію:
„ИТОГИ XIX ВѢКА".
Обзоръ главнѣйшихъ событій за 100 лѣтъ, въ очеркахъ и рисункахъ, по политикѣ, наукѣ, промышленности и искусствамъ. Цѣлый кладъ для ума и самообразованія!.. Суть секрета въ томъ, что слѣдуетъ поспѣшить подпиской, чтобы, въ виду всероссійскаго распространенія «Будильника» и опредѣленнаго числа премій, не лишиться «Итоговъ XIX вѣка». Подписка уже открыта: журналъ «Будильникъ» въ годъ съ преміей—10 р.; скупымъ—разсрочка: 6 руб. при подпискѣ и 4 р. до 1-го іюня 1901 г.; безъ премія—9 р. Въ Москвѣ на одинъ руб. дешевле.
Пробный № «Будильника» съ подробнымъ объясненіемъ высылается за три семикопѣечныхъ марокъ.
Подписныя деньги, согласно секрету, слѣдуетъ слѣпомъ адресовать: Москва, редакція журнала «Будильникъ».
4510—3—0

ВОДОЛЕЧЕБНИЦА
съ электро-лечебнымъ отдѣленіемъ
ВРАЧА ДОМБРОВСКАГО.
М.-Баиновъ, противъ Хлѣбн. бал. д. б. Поповой.
Леченіе водой—ванны обыкновенныя, сидячія, ножныя, паровыя, души простой, Шарко, шотландскій, восходящій; электричествомъ—электрическія ванны, гимнастикой и массажемъ.
Пріемъ больныхъ по нервнымъ и внутреннимъ болѣзнямъ съ 11—12 ч. дня и 4—6 ч. вечера. Телефонъ № 259. 4314 до пр.

Зуболечебный кабинетъ
Н. М. Рагинскаго.
Баснинская ул., домъ Клюшина.
Леченіе, пломбированіе и вставленіе искусственныхъ зубовъ на каучукѣ, золотѣ и безъ неба; пріемъ отъ 9-го до 1 часу дня и отъ 3-хъ до 6-го вечера.
Бѣдныхъ безплатно.
3684—104—38

ВРАЧЪ
Андрей Константиновичъ Плотниковъ.
Пріемъ больныхъ ежедневно отъ 9 до 11 час. утра и отъ 5 до 7 ч. вечера. Дотгевская ул., домъ Отгобойной. № 18-й.
4152.

ЗУБНЫЙ КАБИНЕТЪ
МИХА И НИКОЛАЕВИЧА
ЧЕРНЯЕВА
Пріемъ больныхъ ежедневно съ 7 до 10 ч. утра и вечерокъ отъ 2 до 7 ч.; приготовленіе вставныхъ зубовъ. Амурская улица, 2-й домъ отъ Большой. № 42
2172—20 пр.

Распорядительный комитетъ офицерскаго собранія
Иркутскаго резервнаго батальона симъ извѣщаетъ, что семейно-танцовальные вечера въ собраніи (Амурская улица, противъ Тріумфальныхъ воротъ) назначены:
декабря 28-го,
января 13 и 27-го,
февраля 10-го.
Форма одежды для г.г. военныхъ и статскихъ—скрытая.
Начало вечеровъ въ 9 час. вечера.
4723—2—1

Врачъ
Б. И. ЛЕВИНЪ
принимаетъ по болѣзнямъ: кожно-венерическимъ, горла и носа ежедневно отъ 8—10½ утра и 6—8 вечера. Адресъ: уг. 3-й Солдатской и Арсенальской, домъ Орлова. Телеф. № 508. 2703—3С—35

Зубоврачебные кабинеты
врача Г. М. и зубного врача В. М.
ПИСАРЕВСКИХЪ
переведены на Знѣрковскую ул., д. Карповскаго, № 18. Пріемъ ежедневно отъ 9 ч. утра до 6 ч. веч.
2689—8—12

Иркутскій календарь на 1901 годъ.
съ мѣсяцесловомъ, календарными свѣдѣніями, очеркомъ исторіи г. Иркутска и справочными отдѣлами общимъ и мѣстнымъ (всего около 100 стр.) вышелъ въ свѣтъ и продается въ магазинахъ гг. Макушина и Цимерскаго, у Букинистовъ и въ конторѣ газ. „Восточное Обозрѣніе".
Цѣна 30 коп.

Ресторанъ „ЯРЪ".
Уголъ Большой и Тихвинской улицъ, нуженъ теперь или тапершь.
4726—3—2

ЖЕНЩИНА-ВРАЧЪ
Марія Юрьевна
КОЛОКОЛОВА.
2-я Солдатская улица, домъ № 5-й. Телеф. 516.
Пріемъ больныхъ по дѣтскимъ, внутреннимъ и женскимъ болѣзнямъ ежедневно отъ 10 до 11 час. утра.
2696—10—15

ИРКУТСКІЙ СКЛАДЪ И. Ф. ЗИЦЕРМАНЪ, бывшій
Александро-Невскаго 7-го,
усовершенствованъ очистные аппараты, продаетъ столовое вино, приготовленное изъ ректификованнаго спирта, очень хорошей очистки въ особенности подъ названіемъ «НЕВСКОЕ». Телефоны: склада № 120, конторы № 219.
4641—12

ПИВО „Конкурентъ"
завода Сошникова, Телефонъ № 157.
4695—2—1

ED. PINAUD
16, Place Vendôme
PARIS
ГИГІЕНА ГОЛОВЫ
EXTRAIT
VÉGÉTAL
Туалетное средство для ухода за волосами.
Преслѣзь Violette.
Лѣсная фіалка. Роза.
Жасмин. Сполонскій.
Ирисъ. Жасмин. Ландышъ.
Сирень Франціи.
Бѣлый гелиотропъ.

Иркутскъ, 28 декабря.

Вопросъ объ институтѣ фабричныхъ инспекторовъ будетъ обсуждаться въ правительственныхъ сферахъ въ началѣ будущаго года и есть основаніе, какъ передаютъ газеты, ожидать рѣшенія вопроса въ пользу учрежденія института.

Мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ предполагаемое нововведеніе. Вниманіе правительства фабрично-заводская дѣятельность назвала принимать съ начала 18 столѣтія, особенно съ 1723 года, времени учрежденія Мануфактуръ-Коллегіи. Болѣе полутораста лѣтъ законодательная мысль работала на указанномъ поприщѣ и 1 іюня 1882 г. былъ наконецъ созданъ фабричный инспекторатъ, т. е. институтъ особыхъ лицъ, призванный слѣдить за точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ распоряженій правительства. Европейская Россія по указанному закону была раздѣлена на 9 фабричныхъ округовъ: петербургскій, московскій, владимірскій, казанскій, нижегородскій, харьковскій, кіевскій, виленскій и варшавскій. Во главѣ каждаго округа поставлены фабричный инспекторъ и особый помощникъ.

Соотвѣтственно съ ростомъ фабрично-заводскаго производства институтъ дважды подвергался значительной реорганизаціи и въ настоящее время количество чиновъ фабричной инспекціи достигаетъ 267 человѣкъ, дѣятельность которыхъ простирается на огромное пространство шестидесяти губерній и областей Евр. Россіи и Вакинской губерніи. Высшими инстанціями по фабричнымъ дѣламъ являются присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, собирающіяся подъ предсѣдательствомъ начальниковъ губерній и областей и главное присутствіе, состоящее подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ министра финансовъ.

Обязанности фабричной инспекціи, вслѣдствіе исключительныхъ особенностей нашего фабричнаго законодательства и положенія рабочей массы, въ Россіи несравненно сложнѣе и отвѣтственнѣе, чѣмъ на западѣ. На нее возлагается наблюденіе за исполненіемъ законовъ: 1 мая 1884 г. о работѣ малолѣтнихъ, 12 іюня 1884 г. о школьномъ обученіи, 3 іюня 1884 г. о ночной работѣ подростковъ и женщинъ, а также правилъ о наймѣ рабочихъ и взаимныхъ отношеніяхъ послѣднихъ къ фабрикантамъ, 2 іюня 1897 г. о рабочемъ времени взрослыхъ мужчинъ. Фабричная инспекція слѣдитъ также за исполненіемъ правилъ о врачебной помощи и обязательныхъ постановленій мѣстныхъ учрежденій объ огражденіи жизни и здоровья рабочихъ. Наконецъ, провѣрка паровыхъ котловъ, собираніе и обработка статистическихъ свѣдѣній о промышленныхъ заведеніяхъ довершаетъ широкій кругъ обширной компетенціи названнаго института.

Въ составѣ личнаго персонала фабричныхъ инспекторовъ, особенно перваго призыва, встрѣчаются такія крупныя имена, какъ академикъ Янжулъ, Свѣтловскій и другіе. Трудами этихъ лицъ, въ качествѣ непосредственныхъ руководителей фабрично-промышленной жизни чрезвычайно много сдѣлано не только для разрѣшенія фабричнаго вопроса, но даже и для науки. Гигіена и статистика обогатились цѣнными указаніями опыта, обширнымъ фактическимъ матеріаломъ и очень остроумными методами его разработки. За послѣднее время, къ глубокому сожалѣнію, не появляются въ печати отчеты фабричныхъ инспекторовъ, но, думаемъ, что замѣтка въ этомъ отношеніи представляется временной.

Учрежденіе фабричной инспекціи было необходимымъ моментомъ въ законодательной регламентаціи капиталистическаго производства. Плодотворность же работы этой инспекціи немало парализовалась нашими разстояніями, разбросанностью фабрикъ и бездорожьемъ. Повятно, что то скромное число представителей фабричнаго надзора, которое у насъ имѣлось, и до сихъ поръ имѣется, не можетъ выполнить всѣхъ задачъ, поставленныхъ требованіями жизни.

На огромнѣйшей территоріи 60 губерній Евр. Россіи и одной Кавказа, вмѣщающихъ въ себя нѣсколько западныхъ государствъ, надзору фабричной инспекціи къ 1-му января 1899 г. было подчинено 19,292 фабрики съ 1,453,925 рабочихъ. Указанное уже нами число инспекторовъ, а именно 267 человѣкъ—само собою разумѣется не въ силахъ быть на высотѣ своего разностороннаго, труднаго призванія. Неизбѣжные недочеты дѣятельности могутъ быть восполнены только при увеличеніи личнаго персонала. Это требованіе опыта.

Если направленіе практики подсказываетъ необходимость увеличенія чиновъ инспекціи, то та же практика съ неоспоримой ясностью устанавливаетъ несовершенность пополненія фабричнаго надзора инспектрисами.

Усовершенствованія техники производства и погоня за барышемъ все болѣе вытѣсняютъ трудъ мужчины съ замѣной его трудомъ женщинъ. На нашихъ фабрикахъ въ 1885 г. работницъ было около 30% всѣхъ рабочихъ, а въ настоящее время число ихъ приближается къ 44%. Процентное отношеніе между полами въ разныхъ отрасляхъ производствъ еще болѣе поразительно: по обработ. волокнистыхъ, напр., веществъ около 77% рабочей силы. Неудивительно по этому, что обиходъ фабричной жизни и условія труда на фабрикахъ съ большимъ количествомъ работницъ создаютъ такую массу щекотливыхъ вопросовъ, къ разрѣшенію которыхъ должны быть привлечены также женщины.

Привѣтствуя предполагаемое введеніе инспектрисъ, мы въ тоже время высказываемъ пожеланіе объ общемъ расширеніи фабричнаго надзора, какъ въ количественномъ, такъ и территоріальномъ отношеніяхъ.

Количественный недостатокъ лицъ фабричнаго надзора уже выясненъ выше и, вѣроятно, будетъ восполненъ не на счетъ одѣтыхъ инспектрисъ. Что же касается территоріальнаго расширенія института, то оно представляется не менѣе неходимымъ. Скоро закончится десятилѣтіе со времени введенія фабричной инспекціи. Это десятилѣтіе составляетъ эпоху въ развитіи отечественнаго производства и соотвѣтственно съ ростомъ послѣдняго должны быть раздвинуты первоначальныя скромныя рамки топографическаго размѣщенія представителей фабричнаго надзора.

По закону 1 іюня 1882 г. горные промыслы, рудообрабатывающіе и солеварные заводы составляютъ область вѣдѣнія горной администраціи. Обширная наша окраина издавна извѣстна добывающей и обрабатывающей горнопромышленностью и почти не имѣла своего фабричнаго производства. Естественно, что Сибирь осталась за границей дѣйствія фабричныхъ инспекторовъ. Между тѣмъ великій рельсовый путь оказываетъ свое нивелирующее вліяніе, начинаютъ и у насъ зарождаться различныя производства, нѣкоторыя изъ нихъ въ обширныхъ размѣрахъ, а надзора никакого. Въ Тюмени, напримѣръ, уже дѣйствуетъ особый механикъ, на обязанности котораго лежитъ освидѣтельствованіе паровыхъ котловъ, но онъ все же не фабричный инспекторъ. Способствуя открытію промышленныхъ заведеній съ паровыми двигателями, наблюдая за состояніемъ послѣднихъ, механикъ, къ глубокому сожалѣнію, лишенъ возможности слѣдить за работой женскаго труда, а въ этой сферѣ много сокрыто вопіющаго къ закону о защитѣ.

Маленькія замѣтки.

Ввиду праздников и неизбѣжно связанных съ ними маскарадовъ, одинъ изъ иркутскихъ фигаро вывѣсилъ себѣ цѣлую серію всевозможныхъ костюмовъ, но такъ какъ благодаря своему богомыслію, этой отличительной черѣ всѣхъ фигаро, онъ не успѣлъ своевременно ознакомить иркутянъ съ интересной новинкой, то мы любезно согласились исправить этотъ маленькій промахъ и предлагаемъ ниже благосклонному вниманію любителей слѣдующіе, специально расчитанные на призъ костюмы.

Такъ напр. любителямъ драматическаго искусства мы бы охотно рекомендовали нарядиться гусами, которыхъ нельзя дразнить; на спинахъ этихъ бернатыхъ можно было бы начертать разныя угрожающія воззванія, вродѣ того, напр., что на праздникахъ будутъ даны такія пьесы, какъ «Король Лиръ», «Гамлетъ», «Донъ-Карлосъ» и пр. Не мѣшаетъ попутать, что «Лесъ» Островскаго будетъ повторенъ. Присоединяемъ, что этотъ костюмъ—изъ особенно благодарныхъ, т. к. устраненная публика наѣзжика пожелаетъ откупить призовъ.

Врачамъ «для бѣдныхъ» можно было бы предложить костюмъ библейскаго фарисея съ двуличной маской; на одной сторонѣ изображено прямо болящимъ ежедневно, а на другой исключая праздниковъ и будней. Въ этомъ костюмѣ мы уже нѣкоторыхъ врачей видали: идетъ безподобно.

Имѣется въ костюмерной одѣяніе «Взяточника». Отмѣнно онъ хорошъ и многимъ былъ бы къ лицу. Но т. к. у насъ въ Иркутскѣ взятокъ нигдѣ не берутъ, то и распространяться о немъ считаемъ прямо такъ неудобнымъ.

Господамъ манчжурцамъ, которые безъ сомнѣнія оживятъ нашъ городъ своимъ пріѣздомъ, рекомендуемъ костюмъ «Ходячій не стѣсняй умъ, сколь сердцу: овечью шкуру. Не смотря на классическую простоту этого одѣянія, призъ можно считать обезпеченнымъ.

Г.г. антекарямъ предлагаемъ одѣться какой нибудь собачкой, ну хоть «таксой», можно и не кусаться, ибо это подразумѣвается само собой. Костюмъ этотъ, по совѣсти говоря, не особенно благодарный.

Нѣкоторымъ педагогамъ хорошо одѣться въ льняныя шкуры. Но только Боже упаси при этомъ кричать. Если же кто не въ состояніи удержаться отъ возгласовъ, тотъ уже пусть вовсе не наряжается, памятуя, что многихъ можно узнать даже въ рогожѣ.

Въ числѣ многихъ костюмовъ есть въ мастерской прехорошенькій костюмчикъ «текущій вопросъ»; несомнѣно, что подъ нимъ должно подразумѣвать перепрыгу черезъ Ангару и отмѣнно хорошъ былъ бы этотъ костюмъ для членовъ нашей управы; но т. к. управа, насколько извѣстно, «текущими» вопросами никогда не занималась, то и долженъ этотъ самый костюмъ пропасть совершенно зря, а жаль.

Редактору «В. О.» недурно было бы замаскироваться эмблемой кротости и смиренія: бараньимъ рогомъ.

Изъ костюмовъ съ карикатурами наибольшаго вниманія заслуживаетъ «Сибирская лѣтопись», составленная, почему-то по учебнику физики: «Распространеніе теплоты», напр., наслѣдію приснается однимъ педагогомъ, распространяющимъ оную по мягкимъ частямъ опекаемаго юношества. «Паленіе тѣлъ» становится яснымъ при видѣ мясницкаго кулака, надающаго туда, куда ему надать слѣдуетъ. «Движеніе тѣлъ бронзовъ» прекосходно издаетъ рируется случаемъ, недавно имѣвшимъ мѣсто, когда другъ дома лѣзетъ на мостовую съ вышины второго этажа.

Переходъ тѣлъ изъ одного состоянія въ «другое» недурно опредѣляется «законами качанія», вслѣдствіе злоупотребленія «источниками тѣлота» естественнымъ результатомъ всего конечно является притяженіе тѣлъ къ центру земли и т. д. и т. д.

Въ заключеніе мы должны присовокупить, что всякаго рода костюмерной мастерской производство нами безвозмездно и единственно изъ желанія угодить вкусамъ Иркутской публики. Поэтому заранѣе отклоняемъ всѣ неблагодарные, могущіе кинуть на насъ тѣнь, упреки и заявляемъ, что на этой рекламѣ мы не заработали ни единой копейки.

Гг. иркутскимъ санитарамъ можно появиться на маскарадахъ въ простыхъ, будничныхъ костюмахъ. Достаточно одного появленія живого санитара, чтобы при видѣ такого необычайнаго зрѣлища публика зрина сначала въ изумленіе, а потомъ въ бѣшеный восторгъ. За призъ ручаемся.

СОНЪ.

(Рождественская сказка.)*

Былъ канунъ Рождества. Баронъ фонъ Мюльбахъ, важный сановникъ лѣтъ шестидесяти, ѣхалъ домой въ самомъ радужномъ настроеніи: онъ только что узналъ о своемъ назначеніи на новый, высокій постъ въ южной части Пруссіи и чувствовалъ себя помолодѣвшимъ лѣтъ на десять. Отказавшись отъ любезнаго приглашенія князя провести канунъ праздника вмѣстѣ, баронъ торопился домой, чтобы наединѣ обдумать свое новое положеніе и заранѣе насладиться ожидаемыми предстоящихъ наградъ и почестей.

Черезъ нѣсколько минутъ баронъ сидѣлъ уже въ своемъ кабинетѣ. Пламя камина озаряло его тучную, потонувшую въ креслахъ, фигуру, кидало причудливыя, длинныя тѣни на стѣны роскошно убраннаго кабинета и горѣло яркими обликами на бронзовыхъ, разставленныхъ тутъ и тамъ, статуэткахъ. Старика охватило чувство глубокаго покоя и удовлетворенія: картины будущаго разворачивались передъ нимъ обольстительной разнообразной вереницей, честолюбивыя мечты, одна другой

*) Сюжетъ заимствованъ.

заманчивѣй, пріятно щекотали его нервы. Легкіе часы, а баронъ все сидѣлъ въ своихъ рѣзныхъ креслахъ, и довольный и счастливый весь отдавался обаянію сегодняшней отрадной вѣсти. Въ домѣ царствовала глухая, невозмутимая тишина. Дрова въ каминѣ весело потрескивали. Понемногу усталость начала овладѣвать барономъ; голова его уже нѣсколько разъ безсильно свалилась на грудь, руки упали на колѣни. И согрѣтый тепломъ камина, убаюканный этой неизмѣнной тишиной, старикъ началъ засыпать. И странный приснился ему сонъ.

Онъ видитъ себя не дряхлымъ, морщинистымъ старикомъ, а молодымъ, стройнымъ, полнымъ огня юношей. Онъ стоитъ на лѣсной, усѣянной цвѣтами опушкѣ и жадно присушивается къ пѣснѣ, которая несется ему навстрѣчу изъ глухого лѣса. Онъ не знаетъ, о чемъ поетъ невѣдомый голосъ, но онъ манитъ къ себѣ, эти ликующіе звуки, и сладко и тревожно бьется сердце юноши и какъ очарованный онъ спѣшитъ въ зеленую чащу лѣса, туда, гдѣ раздается эта радостная пѣсня. Скоро кончается лѣсъ и изумленный юноша видитъ сказочную картину: на берегу рѣки, обитый золотистымъ сіяніемъ, цвѣтетъ волшебный садъ; тутъ и тамъ распустились яркіе, гигантскіе, никогда еще не виданные имъ цвѣты; сквозь прозрачную сѣтку голубыхъ деревьевъ виднѣется стройный бѣлый замокъ, сверху до низу обитый гирляндами краснѣйшихъ цвѣтовъ въ мірѣ. У входа въ замокъ стоитъ ослѣпительной красоты женщина; она привѣтливо улыбается и протягиваетъ руки къ юношѣ.

— Войди сюда, ласково говоритъ женщина, не бойся и смѣло входи въ мой садъ Юности и Счастія. Ты чистъ и непорочень, — ты будешь моимъ дорогимъ, моимъ желаннымъ гостемъ. Я позвала тебѣ навстрѣчу эти дивные цвѣты, которые растутъ около тебя, дамъ насладиться ихъ опьяняющими благоуханіями. Эти цвѣты—единственные въ мірѣ, и цвѣтъ больше ты не встрѣтишь ихъ; вотъ цвѣты молодости—сорвавъ ихъ, ты будешь вѣчно кипѣть молодыми, благодатными порывами; вотъ цвѣты сострадания, вотъ тѣ—цвѣты любви, а эти огромные и бѣлые —неувядаемые цвѣты свободы. Войди же смѣло сюда! Ты не встрѣтишь здѣсь ни вражды, ни ненависти, здѣсь нѣтъ мѣста ничему дурному. Я вижу тебя исполненнымъ всего этого, любитъ все живущее, и научу тебя быть человѣкомъ. Все, что обольщаетъ сердце, все что дѣйствуетъ юный, неиспорченный умъ—все это съ избытокомъ я дамъ тебѣ!

Восторженно слушаетъ эти рѣчи юноша и уже хочетъ пройти въ этотъ чудный садъ. Но вдругъ безобразный карликъ съ злымъ лицомъ и острыми какъ у ястреба глазками, быстро загораживаетъ ему дорогу.

— Что это еще за новости, слышитъ юноша противный, рѣзкій голосъ, что это за новости? Съ какихъ это поръ стали молодые люди бѣгать по лѣсамъ да по горамъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть дома и занимаиться дѣлами въ своихъ рѣзныхъ креслахъ, и довольный и счастливый весь отдаваался обаянію сегодняшней отрадной вѣсти. Въ домѣ царствовала глухая, невозмутимая тишина. Дрова въ каминѣ весело потрескивали. Понемногу усталость начала овладѣвать барономъ; голова его уже нѣсколько разъ безсильно свалилась на грудь, руки упали на колѣни. И согрѣтый тепломъ камина, убаюканный этой неизмѣнной тишиной, старикъ началъ засыпать. И странный приснился ему сонъ.

Онъ видитъ себя не дряхлымъ, морщинистымъ старикомъ, а молодымъ, стройнымъ, полнымъ огня юношей. Онъ стоитъ на лѣсной, усѣянной цвѣтами опушкѣ и жадно присушивается къ пѣснѣ, которая несется ему навстрѣчу изъ глухого лѣса. Онъ не знаетъ, о чемъ поетъ невѣдомый голосъ, но онъ манитъ къ себѣ, эти ликующіе звуки, и сладко и тревожно бьется сердце юноши и какъ очарованный онъ спѣшитъ въ зеленую чащу лѣса, туда, гдѣ раздается эта радостная пѣсня. Скоро кончается лѣсъ и изумленный юноша видитъ сказочную картину: на берегу рѣки, обитый золотистымъ сіяніемъ, цвѣтетъ волшебный садъ; тутъ и тамъ распустились яркіе, гигантскіе, никогда еще не виданные имъ цвѣты; сквозь прозрачную сѣтку голубыхъ деревьевъ виднѣется стройный бѣлый замокъ, сверху до низу обитый гирляндами краснѣйшихъ цвѣтовъ въ мірѣ. У входа въ замокъ стоитъ ослѣпительной красоты женщина; она привѣтливо улыбается и протягиваетъ руки къ юношѣ.

— Войди сюда, ласково говоритъ женщина, не бойся и смѣло входи въ мой садъ Юности и Счастія. Ты чистъ и непорочень, — ты будешь моимъ дорогимъ, моимъ желаннымъ гостемъ. Я позвала тебѣ навстрѣчу эти дивные цвѣты, которые растутъ около тебя, дамъ насладиться ихъ опьяняющими благоуханіями. Эти цвѣты—единственные въ мірѣ, и цвѣтъ больше ты не встрѣтишь ихъ; вотъ цвѣты молодости—сорвавъ ихъ, ты будешь вѣчно кипѣть молодыми, благодатными порывами; вотъ цвѣты сострадания, вотъ тѣ—цвѣты любви, а эти огромные и бѣлые —неувядаемые цвѣты свободы. Войди же смѣло сюда! Ты не встрѣтишь здѣсь ни вражды, ни ненависти, здѣсь нѣтъ мѣста ничему дурному. Я научу тебя ненавидѣть все злое, любить все живущее, и научу тебя быть человѣкомъ. Все, что обольщаетъ сердце, все что дѣйствуетъ юный, неиспорченный умъ—все это съ избытокомъ я дамъ тебѣ!

Восторженно слушаетъ эти рѣчи юноша и уже хочетъ пройти въ этотъ чудный садъ. Но вдругъ безобразный карликъ съ злымъ лицомъ и острыми какъ у ястреба глазками, быстро загораживаетъ ему дорогу.

— Что это еще за новости, слышитъ юноша противный, рѣзкій голосъ, что это за новости? Съ какихъ это поръ стали молодые люди бѣгать по

Зимняя пѣсня.

Мягкимъ снѣгомъ запушенная,
Свѣтомъ луннымъ озаренная,
Спитъ долина тяжкимъ сномъ.
Спать—не спать... Кошмаромъ—тучею
Давитъ грудь ея могучую,
Будто вѣтку снѣжный комъ.
И въ бреду—закоченѣлая—
Мысль лелѣетъ дѣтски-сбѣлую:
«Захочу и оживу»!
«Захочу,—деревья голыя,
Точно юноши веселые,
Вновь нарядятся въ листву.
Захочу,—ручьи кристальные
Побѣгутъ въ поля печальныя,
Запестрятъ цвѣты въ лугахъ.
Захочу...» Но сны кошмарные
Гаушатъ думы свѣтозарныя,
Зятятся вьюга на горахъ...

Ѳома Кувшинновъ.

Кое-что о философіи „сверхчеловѣка".

(Продолженіе).

Люди, строящіе свое благополучіе на занятіяхъ какого-нибудь министерства, смѣри государственнаго дѣятеля, гастномъ шантажѣ, политическомъ скандалѣ, на «пониженіи» и «повышеніи», естественно не могутъ ждать одобренія себѣ со стороны мѣщанскихъ-добродѣтельнаго буржуа и его идеологовъ. Нелучше, чѣмъ Нордау—къ Нитшѣ, относятся въ упоминутомъ романѣ Рудольфа Штрацца всѣ «добродѣтельные» герои его, а въ ихъ лицѣ—и фанатическимъ настроенный авторъ романа—къ циничному графу, который, исходя, повидимому, изъ той мысли, что «нѣтъ ничего истиннаго и все позволено», смотритъ на добродѣтельныхъ какъ на овецъ, предназначенныхъ для его, графской, стрижки. И такое отношеніе добродѣтельныхъ берлинцевъ къ недобродѣтельному графу вполнѣ понятно.

Буржуазное общество выработало извѣстные кодексы морали, права и пр., преступить которые строго воспрещается. Эксплоатируя другихъ, буржуазія не любитъ, чтобы ее эксплоатировали. Между тѣмъ разнаго рода Ueberman'ch'и уриваютъ жирные куски изъ буржуазнаго фонда «прибавочной стоимости», т. е, *непосредственно* живутъ на счетъ буржуазіи. Само собою разумѣется, что они не могутъ стать подъ покровительство сентическихъ законовъ. Они должны по этому выработать этическіе принципы, годные для *ихъ* обихода. До послѣдняго времени эта высшая категорія паразитенпролетаріата не имѣла никакой дѣльной идеологіи, ничего такого, что давало бы ей возможность опрадать «высшими» мотивами свою хищническую дѣятельность. Оправданіе хищничества «здоровой» промышленной буржуазіи ея теоретическими мечтателями, ея организаторскими способностями, безъ которыхъ якобы не можетъ существовать общественное производство, это оправданіе, само собою разумѣется, не годится для рыцарей hausse и baisse, финансовыхъ авантюристовъ, «сверхчеловѣка» биржи, политическихъ и газетныхъ авантюристовъ sans scrupule, словомъ, всей той массы паразитическаго пролетаріата, который плотно присосался къ буржуазному организму и тѣмъ или инымъ путемъ живетъ—и обыкновенно не плохо живетъ—на счетъ общества, интересы котораго имъ чужды. Отдѣльные представители этой группы довольствовались сознаніемъ своего умственнаго превосходства надъ тѣми, кто позволяетъ (а какъ тутъ не позволить?) себя «стричь». Но вся группа (довольно многочисленная и все растущая) нуждалась въ теоріи, которая *давала бы право* умственно превосходнымъ «держать». Она ждала своего апостола и нашла его въ лицѣ Нитшѣ. Циничнооткровенный и высоко-талантливый онъ явился къ ней со своей «моралью господъ», со своимъ «все позволено» — и она поцѣловала его...

Жизнь всякаго благороднаго, учитъ Нитшѣ, есть неразрывная цѣпь полныхъ опасности приключеній; онъ ищетъ не счастья, но возбужденія игрой.

Находясь въ состояніи неустойчиваго общественнаго равновѣсія, будучи сегодня на вершинѣ житейскаго благополучія, а завтра рискуя попасть на скамью подсудимыхъ, эта злокачественная нація, принципъ буржуазнаго общества должна была найти для себя гораздо болѣе подходящій принципъ. Нитшѣ о жизни, полной приключеній, чѣмъ мѣщанскую проповѣдь умѣренности и аккуратности какого-нибудь пошлаго и всепошлаго философа Смайльса, крестьяго отца только-только начинающаго развиваться мѣщанства, или чѣмъ основанную на строгихъ раціоналистическихъ предпосылкахъ проповѣдь утилитарной морали Бентама, духовнаго вождя «здоровой», щепетильно-честной (въ купеческомъ, разумѣется, смыслѣ) крупной британской буржуазіи...

Но Нитшѣ, человѣчество возвысити до «сверхчеловѣка», когда оно отражается отъ современной іерархіи цѣнностей и прежде всего, отъ христіанско-демократическаго идеала. Буржуазное общество—номинально, по крайней мѣрѣ, держится демократическихъ принциповъ. Нитшѣ же, какъ мы видѣли, дѣлитъ мораль на господскую и рабскую. О демократіи онъ говоритъ со словесной пѣной у рта. Онъ полонъ ненависти къ помѣшанному на равенствѣ демократу, который стремится сдѣлать человѣка «отвратительнымъ», превратить его въ «животное».

Плохо пришлось бы «сверхчеловѣку», если бы рабы проникнись его моралью, если общество нашло слишкомъ увлекательной для себя медленную созидательную работу. Вотъ почему Нитшѣ самъ говоритъ со столь свойственнымъ ему открытымъ цинизмомъ, въ одномъ частномъ письмѣ, относительно своего ученія, что обнародованіе его «представляетъ, по всей вѣроятности, опасѣйшій рискъ (Wagnis), какой только бываетъ»... но по отношенію къ тому, кто на это отважается, — и опять поцѣловалъ его... Кстати, онъ объ этомъ говоритъ. Можетъ утѣшеніемъ, прибавляетъ онъ, является то, что не существуетъ ушей для моихъ великихъ новостей»... Слѣдствіемъ указанной «опасности» и является двойственный характеръ морали. Для всего человѣчества не только нѣтъ необходимости слѣдовать «морали господъ», которая создана для господъ и только для нихъ однихъ, но наоборотъ: отъ всѣхъ обыкновенныхъ людей, не-сверхчеловѣковъ, требуется, чтобы они, сомкнутыми рядами дѣлали общее дѣло», находясь въ послушаніи у тѣхъ, которые рождены для высшей жизни; отъ нихъ требуется, чтобы они находили счастье въ добросовѣстномъ исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя налагаются на нихъ существованіемъ общества, увѣличивающаго незначительнымъ числомъ «сверхчеловѣковъ». Требованіе, чтобы низшія «касты» находили нравственное удовлетвореніе въ служеніи высшимъ, тоже, какъ видите, не особенно ново...

Хотя не рѣдко случается, что члены этого блестящаго буржуазнаго пролетаріата находятся у кормила правленія, но, вообще говоря, правительственная власть буржуазнаго общества находится не въ ихъ рукахъ. Повадаетъ она къ нимъ въ руки вслѣдствіе нѣкотораго рода общественнаго недоразумѣнія, и кончается ихъ правленіе какимъ нибудь крупнымъ скандаломъ, вродѣ Панамы, Дрейфусіады, Криспады и т. п. Самый захватъ власти они совершаютъ вовсе не въ видахъ реорганизаціи общества, къ которому они относятся столь отрицательно, а просто, что бы пользоваться общественной сокровищницей. По этому Нитшѣ, освобождающій своихъ «сверхчеловѣковъ» даже отъ труда господства, могъ найти себѣ живой откликъ съ ихъ стороны и на этомъ пунктѣ.

Lumpenproletariat, этотъ паразитическій пролетаріатъ низшаго разряда, въ своемъ отрицаніи послѣдовательнѣе поклонниковъ Нитшѣ: онъ отрицаетъ общество въ его цѣломъ; для него тѣмъ не только духовныя рамки этого общества, но и его матеріальныя основанія. Поклонники Нитшѣ, отрицая христіанскія и этическія нормы буржуазнаго общества, ничего не имѣютъ противъ тѣхъ удобствъ, которыя создаются его матеріальной организаціей. «Сверхчеловѣкъ», по Нитшѣ, вовсе не расположенъ отказываться отъ знанія, благъ и новыхъ силъ, которыхъ человѣчество достигло такимъ долгимъ, многотруднымъ путемъ. Напротивъ только—мѣщанскую, по выраженію Нитшѣ, Ueberman'ch'и уриваютъ жирные куски изъ буржуазнаго фонда «прибавочной стоимости», т. е, *непосредственно* живутъ на счетъ буржуазіи. Само собою разумѣется, что они не могутъ стать подъ покровительство сентическихъ законовъ. Они должны по этому выработать этическіе принципы, годные для *ихъ* обихода. До послѣдняго времени эта высшая категорія паразитенпролетаріата не имѣла никакой дѣльной идеологіи, ничего такого, что давало бы ей возможность опрадать «высшими» мотивами свою хищническую дѣятельность. Оправданіе хищничества «здоровой» промышленной буржуазіи ея теоретическими мечтателями, ея организаторскими способностями, безъ которыхъ якобы не можетъ существовать общественное производство, это оправданіе, само собою разумѣется, не годится для рыцарей hausse и baisse, финансовыхъ авантюристовъ, «сверхчеловѣка» биржи, политическихъ и газетныхъ авантюристовъ sans scrupule, словомъ, всей той массы паразитическаго пролетаріата, который плотно присосался къ буржуазному организму и тѣмъ или инымъ путемъ живетъ—и обыкновенно не плохо живетъ—на счетъ общества, интересы котораго имъ чужды. Отдѣльные представители этой группы довольствовались сознаніемъ своего умственнаго превосходства надъ тѣми, кто позволяетъ (а какъ тутъ не позволить?) себя «стричь». Но вся группа (довольно многочисленная и все растущая) нуждалась въ теоріи, которая *давала бы право* умственно превосходнымъ «держать». Она ждала своего апостола и нашла его въ лицѣ Нитшѣ. Циничнооткровенный и высоко-талантливый онъ явился къ ней со своей «моралью господъ», со своимъ «все позволено» — и она поцѣловала его...

Жизнь всякаго благороднаго, учитъ Нитшѣ, есть неразрывная цѣпь полныхъ опасности приключеній; онъ ищетъ не счастья, но возбужденія игрой.

Находясь въ состояніи неустойчиваго общественнаго равновѣсія, будучи сегодня на вершинѣ житейскаго благополучія, а завтра рискуя попасть на скамью подсудимыхъ, эта злокачественная нація, принципъ буржуазнаго общества должна была найти для себя гораздо болѣе подходящій принципъ. Нитшѣ о жизни, полной приключеній, чѣмъ мѣщанскую проповѣдь умѣренности и аккуратности какого-нибудь пошлаго и всепошлаго философа Смайльса, крестьяго отца только-только начинающаго развиваться мѣщанства, или чѣмъ основанную на строгихъ раціоналистическихъ предпосылкахъ проповѣдь утилитарной морали Бентама, духовнаго вождя «здоровой», щепетильно-честной (въ купеческомъ, разумѣется, смыслѣ) крупной британской буржуазіи...

Но Нитшѣ, человѣчество возвысити до «сверхчеловѣка», когда оно отражается отъ современной іерархіи цѣнностей и прежде всего, отъ христіанско-демократическаго идеала. Буржуазное общество—номинально, по крайней мѣрѣ, держится демократическихъ принциповъ. Нитшѣ же, какъ мы видѣли, дѣлитъ мораль на господскую и рабскую. О демократіи онъ говоритъ со словесной пѣной у рта. Онъ полонъ ненависти къ помѣшанному на равенствѣ демократу, который стремится сдѣлать человѣка «отвратительнымъ», превратить его въ «животное».

Плохо пришлось бы «сверхчеловѣку», если бы рабы проникнись его моралью, если общество нашло слишкомъ увлекательной для себя медленную созидательную работу. Вотъ почему Нитшѣ самъ говоритъ со столь свойственнымъ ему открытымъ цинизмомъ, въ одномъ частномъ письмѣ, относительно своего ученія, что обнародованіе его «представляетъ, по всей вѣроятности, опасѣйшій рискъ (Wagnis), какой только бываетъ»... но по отношенію къ тому, кто на это отважается, — и опять поцѣловалъ его... Кстати, онъ объ этомъ говоритъ. Можетъ утѣшеніемъ, прибавляетъ онъ, является то, что не существуетъ ушей для моихъ великихъ новостей»... Слѣдствіемъ указанной «опасности» и является двойственный характеръ морали. Для всего человѣчества не только нѣтъ необходимости слѣдовать «морали господъ», которая создана для господъ и только для нихъ однихъ, но наоборотъ: отъ всѣхъ обыкновенныхъ людей, не-сверхчеловѣковъ, требуется, чтобы они, сомкнутыми рядами дѣлали общее дѣло», находясь въ послушаніи у тѣхъ, которые рождены для высшей жизни; отъ нихъ требуется, чтобы они находили счастье въ добросовѣстномъ исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя налагаются на нихъ существованіемъ общества, увѣличивающаго незначительнымъ числомъ «сверхчеловѣковъ». Требованіе, чтобы низшія «касты» находили нравственное удовлетвореніе въ служеніи высшимъ, тоже, какъ видите, не особенно ново...

Хотя не рѣдко случается, что члены этого блестящаго буржуазнаго пролетаріата находятся у кормила правленія, но, вообще говоря, правительственная власть буржуазнаго общества находится не въ ихъ рукахъ. Повадаетъ она къ нимъ въ руки вслѣдствіе нѣкотораго рода общественнаго недоразумѣнія, и кончается ихъ правленіе какимъ нибудь крупнымъ скандаломъ, вродѣ Панамы, Дрейфусіады, Криспады и т. п. Самый захватъ власти они совершаютъ вовсе не въ видахъ реорганизаціи общества, къ которому они относятся столь отрицательно, а просто, что бы пользоваться общественной сокровищницей. По этому Нитшѣ, освобождающій своихъ «сверхчеловѣковъ» даже отъ труда господства, могъ найти себѣ живой откликъ съ ихъ стороны и на этомъ пунктѣ.

Lumpenproletariat, этотъ паразитическій пролетаріатъ низшаго разряда, въ своемъ отрицаніи послѣдовательнѣе поклонниковъ Нитшѣ: онъ отрицаетъ общество въ его цѣломъ; для него тѣмъ не только духовныя рамки этого общества, но и его матеріальныя основанія. Поклонники Нитшѣ, отрицая христіанскія и этическія нормы буржуазнаго общества, ничего не имѣютъ противъ тѣхъ удобствъ, которыя создаются его матеріальной организаціей. «Сверхчеловѣкъ», по Нитшѣ, вовсе не расположенъ отказываться отъ знанія, благъ и новыхъ силъ, которыхъ человѣчество достигло такимъ долгимъ, многотруднымъ путемъ. Напротивъ только—мѣщанскій сіяніемъ. Но глухая непроницаемая решетка мгновенно выростаетъ передъ нимъ и глубокое молчаніе воцаряется при его приближеніи. Навстрѣчу ему идетъ женщина, но онъ не узнаетъ свою старую знакомую: холодно, почти враждебно смотритъ на него прекрасные глаза феи, гнѣвомъ и скорбью пышетъ ея дивное, словно выточенное изъ мрамора лицо.

— Господинъ баронъ, властно говоритъ фея, теперь вы не войдете въ мой садъ, гдѣ распускаются единственные въ мірѣ цвѣты. Ты слишкомъ старъ и слишкомъ черствъ. Помнишь, было время, когда и сама шла тебѣ, но ты, что сдѣлалъ ты? Ты убѣжалъ отъ сѣрыхъ стѣнъ департамента, ты промѣнялъ свои радужныя, молодыя грезы на груды истлѣвшихъ документовъ, ты высохъ какъ пергаментъ, на которомъ написанъ твой похвальный аттестатъ. Скажи мнѣ, чему ты вѣрилъ, чему ты поклонялся въ дни своей цвѣтущей молодости? Скажи ли ты ныо нибудь жизнь, сочувствовалъ ли ты когда нибудь чужому страданью? Нѣтъ! Какъ улитка, затворившаяся въ раковину, ты жилъ только для самого себя, тебя никогда не волновали ни людскія радости, ни людскія печали. Зачѣмъ же ты пришелъ ко мнѣ? Посмотри на себя въ волны рѣки и скажи: тебѣ ли входить въ садъ Власти и Счастія? Да ты смутишь, ты испугаешь веселіе моихъ молодыхъ друзей.

Онъ подошелъ къ рѣкѣ и увидалъ тамъ свое отраженіе: на него смотрѣло морщинистое, злое лицо съ оловянными, тусклыми глазами. Онъ заплакалъ и протянулъ къ фей руки.

— Прощай, бѣдняга, сказала фея со слезами на глазахъ, прощай и да пошлетъ тебѣ утѣшеніе всемогущее Небо!..

Баронъ проснулся съ лицомъ, мокрымъ отъ слезъ. Каминъ погасъ, въ комнатѣ было темно и холодно. Старику было грустно и жалкимъ и одинокимъ показался онъ самъ себѣ. И не было возлѣ него одного человѣка, который могъ бы сказать ему хоть слово утѣшенья.

На другой день у барона состоялся блестящій пріемъ гостей. Всегда любезный хозяинъ былъ въ этотъ день замѣтно не въ духѣ, говорилъ сухими, отрывистыми фразами и въ отвѣтъ на льстивыя пожеланія и поздравленія угрюмо и недоброжелательно нематривался къ лица своихъ гостей.

ОНЪ.

Разсказъ Болеслава Пруса. (А. Гловацкаго).

(Съ польскаго).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, около полудня, по одной изъ наименѣе оживленныхъ улицъ Берлина медленно шли два человѣка: военный и штатскій.

Военный шелъ, или вѣрнѣе танцился, впереди, а штатскій слѣдовалъ за нимъ, чуть-чуть шага на два. Штатскій былъ

го, все философское міросозерцаніе (если здѣсь умѣстенъ этотъ терминъ) нитшеанцевъ служитъ тому, чтобы оправдать пользованіе благами, въ созданіи которыхъ они не принимаютъ никакого, ниже формальнаго участія.

Хотя Нитшіе и требуетъ, чтобы всякій раньше, чѣмъ быть зачисленнымъ въ ряды избранныхъ, отвѣтилъ на вопросъ: «изъ тѣхъ ли онъ, которые имѣютъ право уйти отъ игъ?» но такъ какъ для рѣшенія этого вопроса онъ не даетъ и не могъ дать никакого объективнаго критерія, то утвердительный или отрицательный отвѣтъ есть дѣло доброй воли и умственныхъ талантовъ кандидата.

Философская система Нитшіе, какъ уже не разъ указывалось, между прочимъ и самимъ Нитшіе, содержитъ не мало противорѣчій. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Нитшіе хотя и относится отрицательно къ современной морали, но это касается главнымъ образомъ тѣхъ сторонъ ея (какъ сострадание, милосердіе и пр.), которыя нормируютъ—правда, лишь формально—отношеніе къ тѣмъ, «которыхъ слишкомъ много». Что же касается «сверхчеловѣковъ» въ какъ *нормамъ* отношеніе къ нимъ *ненадлежитъ* ограничивать самыя нѣжайшія симпатіи, къ старому французскому режиму, въ которомъ «индивидуальность» имѣла очень мало простора! Аристократъ, представитель опредѣленныхъ общественныхъ симпатій, всегда доминировалъ въ немъ надъ индивидуалистомъ, ея шаги таемъ абстрактнаго принципа.

(Окончаніе будетъ).

одѣть въ мягкую бобровую шубу и блестящій цилиндръ, а на его подвижной физіономіи отражались гордость и неутомимая заботливость, предметомъ которой былъ его военный товарищъ. Минутами казалось, что человѣкъ въ бобровой шубѣ обладаетъ необыкновеннымъ даромъ—двигать ушами, благодаря которому онъ слышитъ не только каждый звукъ, издаваемый военнымъ, но даже таинственный полетъ его мыслей, которыя подымались и опускались, словно волны Балтійскаго моря.

Бдительность эта однако не мѣшала штатскому выражать на своемъ лицѣ неудовольствіе, когда кто-либо проходилъ мимо него, не разинувъ рта отъ удивленія, или пріятно улыбаясь солдатамъ, которые съ выпученными глазами становились передъ его товарищемъ и, вытянувшись въ струнку, дѣлали рукой подъ козырекъ.

Тащившійся впереди военный былъ человѣкъ огромнаго роста. Онъ носилъ длинный плащъ съ пелериной и фуражку съ козырькомъ. Его лицо трудно было разглядѣть: оно было закрыто козырькомъ и поднятымъ воротникомъ. Только, когда воротникъ случайно отгибался, видны были напухшіе глаза съ выпяченными бровями, сѣдые усы и щеки, испещренныя морщинами, точно высѣченныя изъ гранита.

На сколько его товарищъ въ цилиндрѣ, казалось, былъ заинтересованъ, чтобы весь Берлинъ видѣлъ его и удивлялся ему, настолько военный былъ совершенно равнодушенъ. Онъ стукалъ тяжело, бренча длинными шпорами; не отвѣчалъ на поклоны и даже не обращалъ вниманія на маршировавшій батальонъ пѣхоты, который, проходя мимо него, ударялъ въ барабаны и склонялъ знамя, каковое обстоятельство вызывало особенную гордость его товарища.

Въ общемъ—прохожіе, занятые предпраздничными закупками обращали мало вниманія на гиганта и его товарища. Однако случалось, что кто-либо, болѣе внимательный, замѣчалъ военнаго и уступалъ ему дорогу, снимая шапку.

Одинъ даже, казалось, былъ настолько изумленъ неожиданной встрѣчей, что какъ вкопанный остался на мѣстѣ и, разинувъ ротъ, смотрѣлъ на военнаго, какъ на привидѣніе. Немного далѣе чета престарѣлыхъ берлинцевъ, увидѣвъ гиганта, дернули одновременно другъ-друга за руки.

— Смотри, это онъ!—шепчетъ мужъ.

— Смотри, Фрицъ, это *онъ!*.— сказала жена.

Штатскій въ бобрахъ замѣтилъ это и сталъ пріятно улыбаться, кивать головой и двигать ушами, какъ будто, весьма довольный ихъ догадливостью хотѣлъ сказать:

— Да, это онъ... а это—я!..

Но старички не замѣтили этихъ пріятельскихъ сигналовъ. Глаза ихъ были прикованы къ величественной фигурѣ военнаго. Когда же онъ повернулъ на другую улицу, то, потеряно его изъ виду, они съ почтеніемъ стали глядѣть на камни, которыхъ касались его огромные ступни.

На поворотѣ тротуара человѣкъ въ бобрахъ еще разъ обернулся къ старичкамъ и съ большою доброжелательностью кивнулъ имъ головой, какъ бы подтверждая:

— Да, это я!..

Военный тащился медленно, какъ человѣкъ, который на своихъ необыкновенно широкихъ плечахъ несетъ судьбы сорока пяти милліоновъ. Но, хотя онъ тяжело пыхтѣлъ, утомленный продолжительной прогулкой, однако, казалось, что стоитъ ему захотѣть и его плащъ преобразится въ огромныя крылья, которыя понесутъ его туда, откуда весь міръ кажется муравейникомъ.

На этой улицѣ было болѣе оживленное движеніе. Было много магазиновъ и была толпа прохожихъ. Военный очнулся и обратилъ взоръ своихъ выпуклыхъ глазъ, до того времени смотрѣвшихъ неизвѣстно куда, на уличное движеніе. Однимъ взглядомъ онъ охватилъ тысячи людей. Здѣсь онъ замѣтилъ кучку женщинъ, торгующихся съ торговцемъ изъ-за жирнаго гуся, тамъ нѣсколько фабричныхъ рабочихъ съ блѣдными, почернѣвшими лицами; вдалекѣ жену, которая напрасно тащила мужа изъ кабака, а дальше—нѣсколько человѣкъ, шедшихъ съ узелками посреди улицы, они знали громко разговаривали между собою, убѣждая другъ-друга сѣшить, чтобы не опоздать къ поѣзду, который ихъ долженъ доставить въ Гамбургъ на пароходъ, отправляющійся въ Америку!

Гигантъ нахмурилъ брови и отвернулся въ другую сторону. Въ ту же минуту, однако, лицо его просіяло: онъ увидѣлъ трехъ крошечныхъ мальчиковъ, у одного изъ нихъ была сабля, у другого дѣтское ружье, а у третьяго раненъ и картонная пика. И у него ясно промелькнула мысль, что хотя нѣсколько отчаянныхъ и уѣдутъ въ Америку, но изъ этихъ тотъ дѣтей вырастутъ новые завоеватели.

Вдругъ человѣкъ въ бобрахъ побѣжалъ впередъ съ такою стремительностью, что цилиндръ качнулся на его головѣ. Случилось нѣчто неслыханное. Онъ, секретарь, поѣренный и біографъ великаго человѣка не замѣтилъ, что его господинъ остановился на улицѣ...

Остановился, стоялъ и смотрѣлъ,—а секретарь не могъ даже отгадать, на что онъ смотритъ. Правда, тутъ находилась бакалейная лавка, но развѣ *онъ* не видалъ корицы, мускатныхъ орѣховъ, кокосовыхъ орѣховъ?.. На что же онъ смотритъ?..

Въ эту минуту гигантъ тихо вздохнулъ. О, небеса! *она* вздохнула?.. Секретарь не вѣритъ собственнымъ ушамъ. Онъ подходитъ къ своему господину сбоку и его лицо видитъ несомнѣнные признаки волненія... Неужели его взволновала корица?

— Ахъ!.. чуть не вскрикнулъ біографъ, замѣтившій въ глубинѣ лавки маленькую елку, на которой висѣло нѣсколько пряниковъ. *Его* такъ взволновалъ видъ елки бѣдняковъ... Что за поэтическая душа!

Наконецъ, гигантъ отошелъ отъ лавки съ такимъ движеніемъ, какъ будто бы ему трудно было оторваться отъ... елки.

— Теперь ужъ мы вернемся домой,—подумалъ секретарь, довольный въ душѣ, что въ біографіи великаго человѣка прибавится одна изъ наиболѣе интересныхъ главъ... *Она* замѣчалась, глядя на елку!.. Разнѣ не прекрасная тема?.. И разнѣ найдется издатель, который бы не купилъ этой главы на вѣсъ золота!

Секретарь, привыкшій отгадывать мысли и намѣренія своего господина, создалъ уже въ своей головѣ цѣлый проектъ. Вотъ, *онъ*, измученный ночной работой, отправляется около полудня на прогулку. Нервы у него немного разстроены, а, слѣдовательно, и болѣе доступны человѣческимъ чувствамъ. Видъ предпраздничнаго движенія пробуждаетъ въ нѣмъ лучшіе настроенія, а елка окончательно смягчила его душу.

— Я увѣренъ, думалъ секретарь, что эта елка явится источникомъ множества новыхъ законопроектовъ для трудящихся классовъ, а можетъ быть и... наградъ!.. Охъ! эти великіе люди,—шепталъ секретарь—не предполагаютъ они, какъ легко отгадываются ихъ намѣренія тѣмъ, которые основательно изучили механизмъ генія!..

Тутъ секретарь не могъ воздержаться чтобы не отдать должнаго своей проницательности. Одновременно онъ окинулъ взоромъ Берлинъ и замѣтилъ, что его обитатели тоже исчезли. Правда, удалился всего на нѣсколько шаговъ, ровно настолько, насколько, вообще, человѣкъ можетъ удалиться отъ своего секретаря и біографа.

На этотъ разъ военный стоялъ передъ лавкой игрушекъ, гдѣ тѣшій и окончившій отъ холода торговецъ расхваливалъ свой товаръ передъ кучкой любопытныхъ.

— Вотъ желѣзнодорожный поѣздъ, который самъ ѣдетъ четыре марки!.. Вотъ слонъ, который самъ ходитъ и рычитъ двѣ марки! Заводится хвостомъ... Вотъ клоунъ за 20 пфеннинговъ...

Дорогу и слона могли видѣть только взрослые, потому что игрушки эти бѣгали по столу. Но клоунъ висѣлъ высоко. Его костюмъ былъ сшитъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ—голубыхъ, красныхъ и желтыхъ, на головѣ торчала остроконечная шапка, а въ рукахъ онъ держалъ двѣ палки. Когда лавочникъ потягивалъ шнурокъ, клоунъ раставлялъ ноги, ударялъ въ палки, вращалъ глазами и показывалъ языкъ.

— Ахъ! какой онъ красивый!.— отозвался въ эту минуту дѣтскій голосъ.

Военный посмотрѣлъ въ ту сторону и увидѣлъ бѣлокураго мальчика, который, задравъ голову и сложивъ руки, смотрѣлъ на клоуна, какъ на чудо. А каждый разъ, когда клоунъ дергалъ ногами—показывалъ языкъ, мальчикъ смѣялся въ весь голосъ, хлопалъ ручками и кричалъ:

— Ахъ, Боже! Боже! какой онъ красивый!..

Радость мальчика была такъ велика и искренна, что сообщилась всей кучкѣ зрителей. Даже гигантъ военный усмѣхнулся и досталъ изъ кармана кошелекъ.

— Купить мальчику клоуна!—подумалъ секретарь въ бобрахъ, не будучи въ состояніи дальше воздержаться отъ нѣсколькихъ словъ похвалы своимъ необыкновеннымъ способностямъ, которыя позволяютъ ему отгадывать малѣйшія намѣренія сфинкса XIX столѣтія.

Однако въ эту самую минуту лицо военнаго вновь омрачилось. Онъ быстро спряталъ кошелекъ въ карманъ и отошелъ отъ лавочки.

Клоунъ между тѣмъ все прыгалъ, вращалъ глазами, маленькій мальчикъ смѣялся, а секретарь думалъ:

Хотѣлъ купить мальчику клоуна на елку, но замѣтилъ, что его узнали и оставилъ намѣреніе... Охъ! эта популярность...

Однако, продолжалъ въ душѣ секретарь, я имѣю право написать, что клоунъ былъ купленъ и подаренъ мальчику со словами: «Получи, мой мальчикъ, это даютъ тебѣ нѣмцы на елку!». Опубликую это только послѣ смерти...

Чрезъ полчаса военный и его секретарь уже были въ кабинетѣ. Секретарь стоялъ у письменнаго стола, а военный сидѣлъ на высокомъ креслѣ и курилъ трубку.

Это была минута, когда секретарямъ дозволяется задавать нескромные вопросы. Секретарь воспользовался ею и сказалъ:

— Сегодняшній день будетъ памятенъ для меня. Давно ужъ я не видѣлъ нашего сіятельства въ такомъ праздничномъ настроеніи.

Да! отвѣтилъ медленно военный,—эта прогулка напомнила мнѣ о нѣкоторыхъ дѣлахъ. Начинаю встрѣчать эмигрантовъ не только въ рапортахъ, но и на улицахъ...

— Другимъ разсказай объ эмигрантахъ,—подумалъ секретарь.—Предо мной не скроешь своихъ чувствъ...

И потомъ добавилъ громко:

— Я увѣренъ, что видъ той елки пробудилъ у нашего сіятельства какое-нибудь пріятное воспоминаніе дѣтства.

Князь поднялъ голову.

— Какой елки?..

— Той,—въ бакалейной лавкѣ,—отвѣтилъ догадливый біографъ, скромно потупившись.

Князь пустилъ огромный клубъ дыма и безпокойно подвинулся въ креслѣ.

— Ахъ, да!..—вздохнулъ онъ,—эта лавка и наши эмигранты. Вызѣжающіе на Рождество изъ дому,—это интересная иллюстрація нѣмецкихъ отношеній. Всякая лавка—это касса, въ которой Голландія собираетъ съ насъ дань... Прано смѣшно, что Германія не можетъ имѣть у себя колоніи корицы, на которую не наложила бы своего клейма Англія или Голландія...

Голландія! меньше Бранденбурга и однако захватила имѣть колоніи, пространствомъ въ четыре раза превосходящія всю Германію!.. И она имѣетъ ихъ, а мы въ одно прекрасное утро должны были бы пить за завтракомъ цикорій вмѣсто кофе, если бы такъ захотѣлось Голландіи.

— Такъ не елка его взволновала, а только... Голландскія колоніи?—грустно подумалъ секретарь.

Взволнованный гигантъ затянулся нѣсколько разъ изъ гнѣваго чубука; повидимому, однако, покрасѣвшіе жилы на его лицѣ поблѣдѣли и онъ успокоился.

— Я замѣтилъ,—сказалъ секретарь,—что вашему сіятельству понравился тотъ мальчикъ передъ клоуномъ?

— А, да! это былъ хорошо сложенный мальчикъ!—Отвѣтилъ князь съ улыбкой знатока пушечнаго мяса.

— Мнѣ казалось даже, что ваше сіятельство имѣли намѣреніе подарить ему клоуна?

— Да, но вѣдь и этого не сдѣлалъ, отвѣтилъ гигантъ.

— Разнѣ ваше сіятельство думаете, что праздничные подарки не подобаютъ имѣющимъ дѣтямъ?

— Наоборотъ... Вчерочемъ, я ему сдѣлалъ наилучшій подарокъ, какой только могъ.

Секретарь изглянулъ на князя съ удивленемъ.

Я ему далъ неудовлетворенное желаніе, сказалъ князь. А потомъ добавилъ:

— Чѣмъ больше такихъ неудовлетворенныхъ желаній, тѣмъ дня насъ лучше!

— Однако, когда-то, въ Версалѣ, ваше сіятельство были болѣе благосклонны къ маленькой французинкѣ, которая получила отъ васъ куклу.

— Это, видите ли, потому, что чѣмъ больше будетъ удовлетворенныхъ желаній *вслѣ*, тѣмъ опять такъ дня насъ лучше!

— Сказавъ это, князь отвернулся и устремилъ свой взглядъ на стѣнную карту голландскихъ колоній. Секретарь опечалился, быть можетъ справедливо догадываясь, что въ этой странѣ, гдѣ маленькій мальчикъ напрасно мечтаетъ о клоунѣ, а великій канцлеръ—о голландскихъ колоніяхъ, секретари, вмѣсто наградъ, могутъ получить къ праздники въ подарокъ—лишь неудовлетворенныя желанія...

М. Л—ія.

ГУСЬ.

(Рождественскій разсказъ.)

Каждому, конечно, извѣстно, что во всѣхъ благоустроенныхъ учрежденіяхъ къ Рождеству чиновникамъ выдаютъ награду, такъ называемую «на гуся»; давали эту награду и въ N-скомъ правленіи, но не всѣмъ чиновникъ Сморчковъ не попалъ въ категорію такихъ счастливцевъ, ибо незадолго до праздниковъ съ нимъ случился бѣда.

Бумагу, которую нужно было подшить въ дѣлу «о крушеніяхъ», онъ по разсѣянности подшилъ къ дѣлу «о улучшеніяхъ», это обстоятельство случайно было замѣчено Его Превосходительствомъ и несчастный Сморчковъ, незамѣтно отъ зрящей распекающій, былъ безповоротно лишенъ надежды увидѣть на своемъ столѣ рождественскаго гуся.

— И какъ я могъ закатить ее въ «улучшенія»? недоумѣвалъ Сморчковъ. «Точно первый годъ служу. Вѣдь, кажется, и похожаго то ничего въ этихъ дѣлахъ нѣтъ, да и съ виду «крушенія», вѣдь толщина какая, а «улучшенія» три листика и того нѣтъ. Поистинѣ, грѣхъ попуталъ,—сколько ужъ лѣтъ, мы этого дѣла не проглядѣ, а тутъ, на вотъ тебѣ, какъ нарочно, передъ самыми праздниками понадобилось».

Сморчковъ тяжело вздохнулъ, грустно качалъ головою, но ничего не могъ подѣлать и, съ глубокой тоскою, ожидалъ приближенія рождественскихъ дней.

Дома женѣ онъ ничего не сказалъ о своемъ несчастіи, потому что жена его, Степанида Трофимовна, была особа настолько вспыльчивая, что говорить съ ней о безвозвратно погибшей рождественской наградѣ было по меньшей мѣрѣ рискованно.

Въ такихъ случаяхъ Степанида Трофимовна была неумолима, но гибнъ свой она выражала двоякимъ способомъ.

Послѣ невзбѣшной, конечно, бурной вспышки она, или принимала видъ утѣшенной жертвы и въ теченіе, иногда цѣлаго мѣсяца, съ утра до вечера молчала, перерывая это молчаніе тяжелыми вздохами и, бросая въ сторону мужа полные презрѣнія взгляды, или-же, при первомъ извѣстіи о томъ или другомъ мужниномъ дѣяніи, она порывисто вскакивала, собирала свои вещи и исчезала на нѣсколько дней, оставивъ Сморчкова одинокимъ, погруженнымъ въ глубокую меланхолію.

Какъ тотъ, такъ и другой способы были одинаково тяжелы Сморчкову, но все же онъ предпочиталъ почему-то второй, хотя, во время спѣшныхъ сборовъ супруги, въ его голову и лѣзли то тотъ, то другой предметъ домашняго обихода и даже порою на головѣ оставались знаки какъ бы свидѣтельствующіе, что среди обиходъ супруговъ есть довольно массивныя вещи.

Въ данномъ случаѣ, рѣшить нѣчего не говорить, Сморчковъ избралъ второй способъ.

Ужъ лучше не говорить до поры до времени, думалъ онъ, тогда сразу отдѣлаюсь, какъ нибудь, передъ праздникомъ, можетъ займу укого, у своихъ,—утѣшалъ онъ себя, хотя въ душѣ былъ вполнѣ увѣренъ, что занять совершенно не у кого. Онъ молчалъ, глубоко скрывая свое горе и, какъ всякое горе, сопряженное съ тайной, оно нелегко таготило его.

Наконецъ наступилъ день выдачи жалованья и наградныхъ, и, Боже мой, какое оживленіе царило въ этотъ день въ N-скомъ правленіи!

Чиновники, съ радостными, просвѣтленными лицами носились по комнатамъ, едва касаясь ногами пола, перешептывались другъ съ другомъ, собирались въ кучи, разговаривали, смѣялись, все это, съ необычайной непринужденностью Даже самъ Его Превосходительство, нѣсколько разъ улыбнулся, выходя изъ кабинета, въ дверь котораго было видно, какъ тамъ на кончикѣ стула почтительно сидѣлъ артельщикъ съ частою кожаною сумкой, въ которой выкладывалъ на столъ пачки кредитныхъ билетовъ.

Улыбался Его Превосходительство, улыбался артельщикъ, улыбались чиновники, словомъ, казалось, что Рождество уже наступило.

Одинъ Сморчковъ сидѣлъ хмурый и, надѣ столомъ прокалывалъ шиломъ какое-то толстое дѣло и сшивалъ его суровою ниткой, которая упорно не хотѣла пролѣзать въ проколонное отверстіе.

«Ишь ты, какъ рады то всѣ, бормочутъ, думалъ онъ прислушиваясь къ окружающему его гулу, «имъ хорошо, а тутъ»... Онъ вспоминалъ Степаниду Трофимовну и мурашки пробѣгали у него по спинѣ.

«Одно жалованье», думалъ онъ, «да и то не полностью, двадцать рублей уже впередъ забрано, остается только-только за квартиру заплатить, да въ лавочку, а къ праздику закуски и всякаго много прочаго гдѣ взять, на что? Эхъ что-то будетъ»... тихо шепталъ Сморчковъ и, поглядывая то на того, то на другого изъ пробѣгавшихъ мимо него сослуживцевъ, думалъ: «не дастъ ли какой изъ нихъ хоть «красненькую»; но лодобнаго желанія, не выражено ни одно изъ этихъ сѣющихъ лицъ и Сморчковъ, съ унылымъ видомъ, снова нагружался въ сшиваніе разваливающагося «дѣла».

Наконецъ все было розданно и получено, чиновники, каждый сейчасъ домой, едва пробили установленные часы, гурьбою высыпали изъ правленія, погнавшися за ними и Сморчковъ, получивъ свое не полное жалованье.

Домой ему смертельно не хотѣлось итти: страшно было: «Разнѣ собрать, сказать что, «на гуся» завтра получуть будемъ, сегодня мозъ, только жалованье дадимъ»—сестрамъ, хотя по на того, то на другого изъ пробѣгавшихъ мимо него сослуживцевъ, думалъ: «не дастъ ли какой изъ нихъ хоть «красненькую»; но лодобнаго желанія, не выражено ни одно изъ этихъ сѣющихъ лицъ и Сморчковъ, съ унылымъ видомъ, снова нагружался въ сшиваніе разваливающагося «дѣла».

Наконецъ все было розданно и получено, чиновники, каждый сейчасъ домой, едва пробили установленные часы, гурьбою высыпали изъ правленія, погнавшися за ними и Сморчковъ, получивъ свое не полное жалованье.

Домой ему смертельно не хотѣлось итти: страшно было: «Разнѣ собрать, сказать что, «на гуся» завтра получуть будемъ, сегодня мозъ, только жалованье дадимъ»—сестрамъ, хотя по на того, то на другого изъ пробѣгавшихъ мимо

Но стѣны были совершенно пусты: Сморчковъ началъ шарить въ угахъ, подъ кроватью, подъ диваномъ,—мундира не было. «Неужели она увезла?» подумалъ онъ, и отъ этой мысли ему сдѣлалось такъ страшно, что онъ на пропали прекратилъ дальнѣе поиски.

Нѣсколько успокоившись, онъ опять принялся подлѣзть по полу и когда нѣсколько было уже легко, онъ обстоятельно убѣдился, что вашъ-мундиръ исчезъ, вѣроятно въ общей кучѣ добра, забраннаго Степанидой Трофимовною.

«Что-же теперь дѣлать? съ отчаяніемъ думалъ Сморчковъ, вѣдь мнѣ вышитъ не въ чѣмъ! Положимъ, присутствіе кончилось, а «она» навѣрно на второй день явится, но, вѣдь къ Его П—ству, надо съ вышитомъ итти, въ чемъ я пойду? А не пойти нельзя, хоть въ книгѣ только росписаться, а рванья, всетаки приди,—не либеральничай»!!

«Боже мой, Боже мой!» думалъ Сморчковъ, раздѣтый лежа на постели, что я буду дѣлать теперь»!

Но, говорятъ нѣтъ, такихъ положеній,

изъ которыхъ не было бы выхода, стоитъ только подумать.

Подумалъ и Сморчковъ, и вдругъ просіялъ.

«А на что мнѣ мундиръ? Надѣну шубу, запахнусь по плотнѣе, пойду, да и расчеркнусь въ книгѣ, визитеровъ Его И—ства. Вотъ это такъ мысль! Подика, додумайся кто другой! Ну, Сморчковъ,—работаетъ братъ, у тебя голова».

Вполнѣ успокоенный, онъ принялся растаскивать печку и, черезъ нѣсколько времени, такъ натопилъ ее, что въ комнатѣ сдѣлалось жарко какъ въ банѣ.

Прошло два дня. Наступило Рождество. По улицамъ мчались раздобные въ пухъ и прахъ, визитеры. Простые смертные, куда то порывались въ этотъ день, на смѣну имъ, передъ глазами то и дѣло мелькали, какіе-то сіяющіе гербами фуражки, шапки всевозможныхъ фасоновъ, начиная отъ цилиндра до пирога включительно.

Часамъ къ 12-ти, разсудивъ, что Его И—ство теперь вѣроятно тоже съ визитомъ уѣхалъ, вышелъ и Сморчковъ изъ свой квартиры. Онъ шелъ по улицѣ и то и дѣло потягивалъ на себя полы своей епитоги.

Дома онъ тщательно выбрился, надѣлъ сорочку, подвязалъ даже галстухъ, на «всякій случай», какъ онъ разсуждалъ, но всемъ же прочемъ, за исключеніемъ брюкъ, костюмъ его представлялъ изъ себя, болѣе чѣмъ откровенный видъ. Это обстоятельство, несмотря на желаніе отнестись къ нему юмористически, все же страшно коробило Сморчкова. Онъ нѣсколько разъ порывался вернуться назадъ, но страхъ быть уличеннымъ въ волюдуэтствѣ гналъ его дальше.

Вотъ и подъѣздъ генеральскаго дома. Сморчковъ еще разъ подтянулъ полы епотки и отворилъ тяжелую дверь. Толстый знакомый швейцаръ привѣтствовалъ его низкимъ поклономъ, видимо ожидая получки «на чай», и потянулся было стащить съ него шубу.

— «Дома? спросилъ дрожащимъ голосомъ Сморчковъ, вполнѣ увѣренный, что ему скажутъ: «нѣтъ».

—«Дома-съ, пожалуйте».—Швейцаръ еще разъ сдѣлалъ знакъ, приглашающій раздѣться.

«Нѣтъ, зачѣмъ же и не того... Мнѣ книгу только, и распишусь... заборматалъ Сморчковъ, придвигаясь къ конторкѣ, на которой лежала книга. Въ это время изъ гостиной послышались знакомые мягкіе шаги. Сморчковъ точно прирослъ къ мѣсту.

Дверь распахнулась и самъ Его П—ство показался въ дверяхъ.

— «Кто тутъ? А, Сморчковъ, пожалуйте, пожалуйте,» заговорилъ онъ улыбаясь обычной праздничной улыбкой. Тутъ уже, швейцаръ рѣшительно подскочилъ къ Сморчкову и, не успѣвъ тотъ опомниться, какъ онъ ловкимъ движеніемъ сдернулъ съ него шубу, да такъ и замеръ, держа ее въ обѣихъ рукахъ: во всю его долголѣтнюю практику онъ не видалъ такого визитера.

Сморчковъ, въ одной сорочкѣ, стоялъ потупивъ глаза и невольно подправлялъ накрахмаленную грудь, а передъ нимъ генералъ, выпучивъ отъ удивленія глаза, но все еще съ жестомъ, приглашающимъ пройти въ гостиную.

«Ага», проговорилъ наконецъ генералъ, разобравъ въ чемъ дѣло, «это Сморчковъ;—вотъ такъ гусь!» съ этими словами онъ поспѣшилъ скрыться, плотно прихлопнувъ за собою дверь...

Нечего и говорить конечно, что черезъ нѣсколько дней Сморчковъ былъ уволенъ въ отставку и поднятно «безъ мундира».

В. М—овъ.

Разныя разности.

«Окно за окно». Викторъ Котанъ разсказываетъ въ газетѣ «Soir» курьезный анекдотъ объ японскомъ остроуміи и находчивости.

Дѣло происходило незадолго до всемірной выставки 1867 года.

Въ то время прибыло въ Парижъ чрезвычайное японское посольство, которому было поручено вести переговоры по поводу открытія трехъ японскихъ портовъ для европейскихъ судовъ.

Согласно полномочію, послы должны были предложить Франціи избрать три порта въ Японіи, а японцы въ свою очередь имѣли указать на три французскіе порта для стоянки японскихъ судовъ.

Переговоры велись съ замѣчательнымъ тактомъ.

Сперва выбирайте вы, говорили французамъ японцы,—мы же сдѣлаемъ это послѣ васъ.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ указалъ на три японскіе порта: Новогаку, Іедзо и Гаиъ-Нигъ. Японцы не противорѣчили, а посольство, распростившись съ французами, уѣхало на родину.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, японское правительство сообщило, что оно принимаетъ предложенія Франціи и со своей стороны избираетъ порты: Гавръ, Мярсель и Соутгамптонъ.

— Соутгамптонъ! Парижскіе дипломаты такъ и покатились со смѣха.

— Да вѣдь Соутгамптонъ въ Англіи, а вовсе не во Франціи, сквозь замѣтки они японскому посланнику.

— Мы это знаемъ прекрасно, невозмутимо отвѣчаетъ имъ японецъ,—да вѣдь Гаиъ-Нигъ, о которомъ вы хлопотали, тоже находится не въ Японіи, а въ Кореѣ.

При этомъ номерѣ прилагаются циркуляры торг. дома «Леопольдъ Нейшеллеръ».

РАЗСЫЛКА
газеты «Вост. Обозр.»
ЛИЦАМЪ,
НЕ ВОЗОБНОВИВШИМЪ подписки
на все на 1901 г., будетъ прекращена
СЪ 1 ЯНВАРЯ.

Продаются санки,
оптовый магазинъ Стахѣева.
4636—6—4

Возокъ
городской продается. Видѣть можно: уголъ Преображенской и Мало-Ланинской улицы. Спросить въ погребѣ Комровой. 4675—6—2

Гостиница „Бристоль."
3-я Солдатская, домъ Бѣляцкой. Обѣды изъ 2-хъ блюдъ 35 к., изъ 3-хъ,—50 к.
Пиво разныхъ сортовъ.
Во время обѣда играетъ оркестріонъ-піано. Кухня подъ наблюденіемъ выписаннаго изъ Европейской Россіи кулинара. Съ почтеніемъ И. Широковъ.
4038—20-пр.

ПРОДАЮТСЯ:
енотовая шуба и дамское пальтецо пальто Справиться: уголъ Ланинской и Медвѣдниковской, д. Дмитріева, въ лавочкѣ. 4691—3—3

Продаются и покупаются
дома въ разныхъ частяхъ города. За справками обращаться къ С. П. Гавриловъ, Луговая, собственный домъ, ежедневно, отъ 8—9 час. утра и отъ 6-ти часовъ вечера. 3326.

ПРОДАЕТСЯ
благостроенный домъ за 6000 р. съ переводомъ долга въ банкѣ. Ланинская № 123. Лѣтомъ заимѣнять дачу. 4724—5—5

ЭДМУНДЪ ПАУЛУСЪ
Маркнейкирхенъ (Саксонія)
МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕНТЫ.
Требуйте безплатно русскій каталогъ № 20 съ цѣнами въ рубляхъ и франко Петербургъ отъ главнымъ представителей Евгеній Ботинъ и К°. С.-Петербургъ, Садовая 18.

ищутъ въ провинціи агентовъ для распространенія очень ходкаго товара.
Капиталъ не требуется.
Значительныя прибыли.
Адресовать: **Варшава, почтовый ящикъ № 424.**
4676—4—3

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ ШОКОЛАДЪ СІУ
ФАБР. С. СІУ и К° МОСКВА.

КАПСЮЛИ МАТИКО
(CAPSULES AU MATICO)
Аптекарей ГРИМО и К° Дозволенныя въ Россіи.
Употребляются съ успѣхомъ при лѣченіи гонореи, никогда не утомляя желудка, какъ это бываетъ при употребленіи копайскаго бальзама въ жидкомъ видѣ.
ПАРИЖЪ, 8, Rue Vivienne и въ главныхъ аптекахъ.

!!! ЭКОНОМІЯ 40% !!!
ТОЛЬКО ЗА 7 РУБ.
Гарантія за вѣрность хода на 5 лѣтъ.
Наваднаго золота часы мужскіе, ходъ на камняхъ, всѣ три крышки покрыты золотомъ механическимъ способомъ (не по золоченью) съ ходомъ, завѣренными до минутъ, заводъ безъ ключа (remontoir). трудно отличимые отъ настоящихъ золотыхъ часовъ, съ цѣпочкой и брелокомъ того-же металла, **только за 7 руб.**
Того-же сорта часы открытые, съ тѣми-же приложеніями 6 руб. Высылаю по полученіи 1 руб. задатка, остальные съ наложеннымъ платежомъ. Прошу адресовать. Складъ часовъ **Михаилу Гордону.** Варшава Ковьа ул. № 34. 4269—8—5

САНТАЛЪ МИДИ
ПАРИЖСКАГО АПТЕКАРЯ
ДОЗВОЛЕННЫЙ ВЪ РОССІИ.
Всесвѣтно чистаго сантала, заключающаяся въ этихъ капсюлахъ, прописывается врачами противъ гонорреи (секретныхъ болѣзней), вмѣсто капайбальзама и кубебы. Она дѣйствуетъ гораздо быстрѣе, не утомляетъ желудка, не причиняетъ ни малѣйшаго запаха, и уничтожаетъ гнойности и кисту.
Въ избѣжаніе подражанія, требуйте клеймо, отпечатанное черными буквами на каждой капсюлѣ. MIDY
Складъ въ главныхъ аптекахъ Россіи.

ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА:
ЭЛЕКСИРЪ, ПОРОШОКЪ и ПАСТА
БЛ. ОТЦ.
БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
АББАТСТВА **СУЛАКЪ**
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ
МОДЕЛЬ ФЛАКОНА

Требуется бонна
со знаніемъ одного изъ иностранныхъ языковъ для двухъ дѣтей. Адресъ: Спасо-Лютеранская улица съ Троицкой въ лѣво д. № 4-й. Являться въ три часа. 4672—1—1

ПРІѢЗЖІЙ молодой человѣкъ
желаетъ получить должность конторщика, знаетъ дѣло, имѣетъ аттестаты, за 10 лѣтъ службы на этой должности и рекомендаціи; адресовать: **Русиновская ул., домъ Гавриловъ.** Спросить Иностраи (медника). 4709—2—1

Продаются съ доставкой
извѣсть, алебастръ, трещинникъ, камень бутовой, отборный и штучный всѣхъ размѣровъ; съ заказами обратиться къ А. О. Поляцкому. Ул. 2-я Солдатской и Преображенской улицы. 4456 10—7

ТОРГОВЛЯ въ Верхнеудинскѣ
во время ярмарки нынѣ мною производится **НЕ БУДЕТЪ.** Лицъ, имѣющихъ со мною торговыя отношенія, прошу обращаться ко мнѣ въ Иркутскъ **А. Волдлернеръ.** 4728—3—2

Отдается квартира
въ 5 комнатъ и кухни съ 1 января, домъ Файгусова по Поплавской, между Ланинской и Саломатовской. 4790—2—2

Молодая особа
по самой умѣренной платѣ занимается первоначальнымъ обученіемъ дѣтей и приготовленіемъ въ среднія учебныя заведенія. Тамъ-же опытный практикъ, имѣющій аттестаціи, ищетъ мѣсто управляющаго домомъ, конторщика, матеріальнаго кассира или какое либо другое занятіе. Адресъ: уголъ Русиновской и Матренинской, д. Семеновой, спросить г-жу Васильеву. 4729—2—2

Молодой человѣкъ
основательно знающій двойную итальянскую бухгалтерію теоретикъ, практикъ предлагаетъ услуги, также принимаетъ временныя занятія и составленіе отчетовъ по торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ. Предложенія просить адресовать: Знаменское предмѣстье, Аптарская улица, домъ Вакеринымъ, Т. А. И. М. 4786—8—2

Въ исполненіе постановленія Думы
19 декабря сего года о раздачѣ питейныхъ заведеній, Управа проситъ гг. владѣльцевъ водочныхъ заводовъ и оптовыхъ складовъ вина, желающихъ получить право на открытіе въ 1901 году, питейныхъ заведеній озаботиться подачею объ этомъ въ Управу заявленій и кромѣ того владѣльцамъ складовъ вина прибыть 29 сего декабря къ 12 часамъ дня въ Управу для вынутія жеребья на право открытія этихъ заведеній.
4711—3—1

Ищу попутчицу
до Минска, по безплатному билету; адр. Черемхово, вокзалъ, спрос. Мацеевой. 4706—3—1

КРЕМЪ РАЛЛЕ
БАНКА
50 к. и 75 к.

СЛАДКОЕ БЛЮДО (ДОМАШНЕЕ ЯГОДНОЕ)
КОНДИТЕРСКОЙ ФАБРИКИ
Д. БРАЙНИНА
МОСКВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

По случаю отъѣзда
продается домашняя вещи. Поплавская ул., д. № 14, фантель во дворѣ. 4717—3—1

На рождествен. праздники
въ музеѣ Ф. И. ФЕЦЪ,
на сценѣ: послѣдняя парижская новость! новѣйшая сцена
ДАФНЭ
просвѣдуемая Аполлономъ замѣчательный феноменъ **Гахманиновъ.**
Картина **НАНА**
изъ ром. Э. Золя.
Въ панорамѣ полная перемѣна художественныхъ картинъ.
Музей открытъ ежедневно съ 10 ч. дня до 10 ч. в.
Подробности въ афишахъ.
3774—24—7

Ищу мѣсто
кассира въ солидномъ дѣло. Предлагаю залогу 2000 руб., имѣю солидныя мѣстныя рекомендаціи. Семейный. Знакомъ съ конторскимъ, винным, матеріальнымъ и строительнымъ дѣломъ. Адресъ: Почтамтъ, до востребованія „Д."
4725—5—2

Отдается квартира
подъ торговлю, Ремесленная слобода, уголъ Ремесленной и Казанской, домъ Германа.

Остерегайтесь поддѣлокъ
Приготовленіе и продажа разрѣшены московскимъ медицинскимъ начальствомъ.
ГИГІЕНИЧЕСКОЕ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
(производъ Г. Ф. ЮРГЕНСЪ)
совершенно уничтожаетъ веснушки, желтыя пятна, прыщи и дѣйствуетъ противъ излишней потливости и загара. Рекомендуется какъ благовонно-туалетное мыло высшаго достоинства.
Золотая медаль. Лондонъ. 1893 года.
Цѣна за кусокъ 50 коп., 1/2 куска 30 коп. Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ для всей Россіи у Г. Ф. Юргенсъ въ Москвѣ.

ДОМЪ № 100. продается, съ переводомъ долга въ поземельный банкъ: 2 Іерусалимская, банкъ Мало-Саломатовской.

Большой выборъ книгъ
и постоянное полученіе новостей по литературѣ, наукъ, техникѣ, народной и дѣтской литературѣ, художественныхъ изданій.
Въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Иркутскѣ.
4743—10—7

Въ Иркутскомъ тюремномъ замкѣ
съ 1 ноября 1900 года продаются оптомъ и въ розницу, безъ доставки желѣзныя кровати:
кровати простыя изъ укороченнаго желѣза . . . по 5 р. 80 к.
» » двумя бронзовыми баранками, на витыхъ ножкахъ, безъ металлическихъ шишекъ, изъ укороченнаго желѣза . . по 8 р. »
» » съ 4 бронзированными баранками, съ металлическими шишками, изъ квадратнаго или круглаго желѣза . . . . по 10 р. —
» » съ фигурными спинками, металлическими шишками, на витыхъ ножкахъ, изъ квадратнаго или круглаго желѣза . . . по 14 р. —
Смотритель тюрьмы Савицкій.
3771—15—10

ВЪ РОССІИ ЛУЧ—
шимъ виномъ признано кахетинское. Ведро вина бѣлаго и красн. безъ посуды—5, 6, 7, 8, 10, 12 р. *Наливъ за 51 бут.—15, 18, 21, 24, 30, 36 руб. Перемѣлое* по 20, дор. ведро 30—50 коп. съ пуда.
● *Высылается по полученіи ЗАДАТКА.* ●
ТОРГОВЦАМЪ УСТУПКА. Пр.-Кур. БЕЗПЛАТНО.
Вина удостоены Высш. нагр. на выставкахъ.
Складъ натуральныхъ кахетинскихъ винъ садовладѣльца
А. С. Вартазарова.
Владикавказъ.
4365—5—5

ПРИНИМАЮ
всевозможные заказы по кулинарному искусству съ серпуховской и безъ шкуръ. Горная между Ланинской и Саломатовской, собственный домъ № 19. Грузинской. 4028—8—6

Магазинъ И. Г. Трапезникова
Церковная утварь,
парча, глазетъ, позументы, готовыя священич.
діаконскія одежды
и другія всевозможныя принадлежности; металлическіе вѣнки. 4350 до пр.

ПО СЛУЧАЮ ОТЪѢЗДА
передается квартира и продаются лошадь, сани, телѣга и домашняя обстановка. Видѣть можно съ 10 ч. утра до 3 часовъ. Благовѣщ. улица д. № 9. 4723—8—7

Дозволено цензурою. 24-го декабря 1900 г. Иркутскъ, Типографія газ. «Восточное Обозрѣніе», Спасо-Лютеранская ул. д. Попова. Редакторъ-издатель И. И. Поповъ.